

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

В.А. ЯДОВ. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: КУРС ЛЕКЦИЙ. СПб.: ИНТЕРСОЦИС, 2006

Р. Барт, анализируя учебный процесс в современной школе, пришел к выводу о том, что пространственная композиция последнего предполагает неравенство учителя и ученика. Трибуна, на которую выходит учитель, ставит его над учениками, демонстрируя его превосходство. Если же учитель сидит, то его стол, как правило, располагается отдельно от ученических парт. Стол больше, чем парты, что также говорит о неравенстве: учителю дано право карать или миловать учеников, принимать или отвергать то, что они говорят. Учитель имеет право на истину, и не беда, если эта истина преходяща и в дальнейшем на смену ей придет другая, возможно, более правдоподобная, более прочно укорененная в фактах. Главное, чтобы истины не пересекались, не сталкивались между собой, путая учеников, подрывая авторитет учителя. Обучение подразумевает полное доверие и беспрекословное подчинение. Множественность истин нарушает правила игры, отсюда необходимость исключить теоретический плюрализм из контекста, в котором ученик и учитель ищут пути друг к другу.

Книга В.А. Ядова представлена им как учебник для студентов-социологов, и некоторая атрибутика, свойственная учебным пособиям, в ней присутствует. За каждой главой следует раздел заданий, включающий вопросы для студента. В конце книги изложены общие принципы, которым студент должен руководствоваться при подготовке собственного исследования. Однако же постойте, разве вопросы, которые задает автор, обращены к студентам? Разве по силам третьекурснику или даже четверокурснику (пятникурсники, как показывает практика, витают в иных «эмпиреях», нежели теоретическая социология) ответить на следующий вопрос: «Как можно представить перспективу институциональных изменений в российском обществе, имея в виду историко-культурные особенности отечественных социальных институтов, с одной стороны, и включенность России в миросистемные процессы, с другой?» (с. 37). Вопрос, который задает Учитель, ставит Ученика вровень с ним самим и должен превратить его из вялого слушателя в заинтересованного собеседника, неустанно размышляющего о том, что происходит в отечестве и мире. Ученик должен знать, что такое миросистема, причем

сказанного в соответствующей главе книги явно недостаточно, чтобы сформулировать собственное мнение хотя бы и в общих чертах. Понадобится знание работ Маркса, Броделя и Уоллерштейна, а также хотя бы некоторых теоретиков институционализма — Д. Норта, Д. Гранноветера и других. Хорошо бы добавить к ним работы А. Гидденса, энциклопедиста, отвечавшего теорией на любые социологические вызовы. А вот еще один вопрос, обращенный к студентам: «В какой мере современная Россия достигла состояния зрелого общества? Что препятствует этому?». Вы скажете, что не следует умножать сущностей и что студент, даже не самый старательный, найдет тот уровень, который позволит ему миновать очередной экзаменационный барьер. Отыщет, в конце концов, какие-то из размышлений Учителя на данную тему да и воспроизведет их, дополняя деталями в меру своей эрудиции. Возможно, так, и автор действительно верит в способности студента рассуждать в самом общем ключе о том, что актуально для сегодняшней социальной науки. Но более вероятной кажется мне версия, согласно которой книга — это не только учебник для молодых социальных философов, она, возможно даже вопреки изначальным намерениям автора, выходит на уровень глубокой социофилософской рефлексии по поводу ключевых пунктов теоретической программы (по Лакатосу) современной социологии. Те вопросы, которые в ней ставятся, адресованы не только и не столько студентам, сколько вполне уже сложившимся ученым, изучающим современное российское общество, ищущим ответы на болезненные вопросы, которые задает нам российская действительность. Эти вопросы автор располагает в двух измерениях — российском и глобальном, причем оба присутствуют в его рассуждениях и как разные социальные контексты, и как разные теоретические среды, продуктивно взаимодействующие, влияющие друг на друга.

В рассматриваемой книге В.А. Ядов представил широкую исследовательскую программу, но это отнюдь не означает, что на каждый из поставленных вопросов он готов предложить свой ответ. Стиль автора можно охарактеризовать как теоретическую полифонию: концепции, прилагаемые к отдельным областям жизни, полноценно сосуществуют друг с другом, рождая общее поле рефлексии. Далеко не всегда, однако, напряженность разных сегментов этого поля разрешается каким-либо однозначным выводом. Уравняв читателя с самим собой, автор словно бы приглашает его преодолеть «детское» стремление к определенности и продолжить работу, которую он сам начал, но не завершил, потому что подобная работа — это процесс, не имеющий конечного пункта.

Конечной точки процесс рефлексии не может иметь потому, что мультипарадигмальные опыты, к которым призывает автор, неизбежно ведут к уровню предельно общих понятий, удерживающих в едином поле «разбегающиеся галактики» отдельных концепций. Решая эту трудную задачу, названные понятия попадают в изменчивый контекст интерпретационных практик, где нет твердой почвы, но есть возможность заявить читателю о собственной позиции. В.А. Ядов своей позиции не скрывает, не случайно он так часто говорит в книге от первого лица, использует в качестве иллюстрации сказанного эпизоды собственной биографии. Какие же из названных понятий выведены автором на первый план?

Во-первых, это — понятие свободы. Социология пронизана критическим началом, о несвободе она говорит чаще, чем о свободе. Да и что такое

свобода, если есть социальный факт, существующий отдельно от индивида, но принятый им, влияющий на его поведение. Возможна ли свобода в мире, где господствует контовский закон трех стадий, последняя из которых предполагает подчинение жизни диктату научного знания? Маркс, оказавший столь серьезное влияние на современную социологию, также говорит о несвободе и отчуждении. В его мире свободой может быть только осознанная необходимость, всякое сопротивление ей чревато распадом социальной жизни. Несвободен пролетариат, но несвободна и буржуазия, стремящаяся любой ценой сохранить капитал от посягательств низших классов.

При всех отличиях от Маркса Вебер сохраняет в неприкосновенности пафос несвободы. Его мир живет в железных тисках культуры: заданные ею координаты формируют представления о возможных стратегиях жизни и, следовательно, обуславливают поведение людей в длительной и короткой перспективах. Что такое свобода в мире, где на первых ролях находится веберовский «идеальный бюрократ» — роботизированный функционер, принимающий решения в полном соответствии с инструкцией, бесстрастный, эффективный, воплощение всего того, чем явлен индивиду *Gesellschaft*?

Что такое свобода в парсоновской социальной системе, где пути и тропинки прочерчены, где индивид управляем социетальной необходимостью, а его представления о свободе — это лишь иллюзия, навязанная ему той же системой? Вспоминается метафора Парсонса: каждый человек полагает, что свободен выбирать маршрут своего передвижения по городу, но если взглянуть на город с высоты птичьего полета, то становится ясно, что существуют устойчивые людские потоки, а выбор отдельного человека — это выбор между несколькими устойчивыми потоками, не более того.

Грамши, на которого ссылается автор, определяет особые условия несвободы в России. Распад государства в Италии ведет к тому, что его функции на время берет на себя гражданское общество. Кризис российской государственности чреват отпадением территорий, сжатием русского космоса до размера небольших незначимых анклавов. Отсюда инстинкт государственности, пронизывающий российское сознание: каким бы репрессивным ни было государство, оно должно быть сохранено как ключевое условие выживания страны. Любой другой вариант сулит хаос, распад, геополитическую деградацию. Принимая государство в качестве демиурга, обеспечивающего стране выживание, российский гражданин культивирует в себе сакральное к нему отношение. Условия несвободы культивируются в порочном круге традиционных ценностей, разорвать его в полной мере не удалось никому из реформаторов прошлого или настоящего.

Ясно, однако, что Россия — это лишь частный случай общей закономерности. Любой социальный порядок, любая социальная организация — это совокупность ограничений, заключающих индивида в пространстве несвободы. Для В.А. Ядова колей пессимистичных суждений о возможности свободы представляется неприемлемой. Из всех концепций, характеризующих социум, он отдает предпочтение деятельно-активистскому подходу, постулирующему субъектную роль общества по отношению к самому себе, субъектную роль личности, способной решающим образом влиять на исторические процессы. «Трудно не согласиться, — пишет он, — что деятельностная парадигма в сравнении с постмодернистской более адекватна реалиям

современного мира и российским, в частности» (с. 55). Парадокс социальной несвободы имеет шанс быть разрешенным во временном измерении: от несвободы общество движется к свободе, выраженной не только в пассивной позиции потребительского выбора, но и в способности значимых субъектов влиять на действия власти, создавать и менять социальные институты: «В традиционных обществах социальные структуры жестко ограничивают рамки допустимой свободы людей и соответственно воспроизводятся адекватными им субъектами; *само*-деятельные же индивиды в таких структурах неприемлемы. Потому некоторые авторы сравнивают советское общество с традиционным. Социальные структуры современных демократических и мультикультурных обществ допускают значительный простор для инновационной активности агентов, каковые, в свою очередь, интенсивно преобразуют структуры» (с. 56).

Если подходить к делу с подобных позиций, ситуация в России не выглядит безнадежной. Власть действительно стремится восстановить «властную вертикаль управления», но действия власти ограничены влиянием других субъектов. Процесс охватывает многообразные гражданские структуры, протекает с явным участием других агентов — «лидеров новаций и больших групп рядовых граждан» (с. 56). Ясно, что он имеет принципиально иной характер, чем процессы закрепощения общества, происходившие в России в XX веке. В эпоху, склеивающую страны в уникальный глобальный «пазл», возможности свободы определяются взаимодействием глобальных и локальных социальных институтов. Традиционный взгляд на институты полагает их в качестве структуры, обеспечивающей устойчивость общественной системы, воспроизводящей ее базовые характеристики. Именно это их свойство выводится на передний план концепцией «зависимости от пути». Автор отдает ей должное: меняются обстоятельства, уходят в прошлое государства и социальные системы, но некоторые показатели мирового расслоения остаются без изменений. Он видит зерна истины в концепции «институциональных матриц» С. Кирдиной: матрицы «X» и «Y» — это Восток и Запад, два очень разных социальных космоса. Но так ли непроходима пропасть между ними? Стоит ли абсолютизировать власть социальных институтов, если сами они подвержены внешним влияниям?

В новом определении институтов на первом плане деятельностный подход, который представляется В.А. Ядову «более адекватным современным социально-историческим условиям экономических и часто не ожидаемых изменений в социальных системах — в обществах, государствах, миросистеме в целом» (с. 33). Запад и Восток обречены сближаться, находить точки соприкосновения, а если так, то и Россия будет участвовать в продвижении к кантовскому «вечному миру» демократий, базирующихся на рыночных механизмах. Продвижение к свободе не станет продуктом слепого заимствования институциональных форм на Западе: «Становление такой демократии (демократии снизу) представляется автору возможным в предстоящие 30–40 лет благодаря выходу на авансцену общественной жизни новых поколений элит и граждански активных людей, которые будут вынуждены осознать необходимость не усеченной демократической системы, но доминирования гражданских структур, интересы которых институционально закреплены общественным договором с государством» (с. 37).

Итак, вопрос о свободе, полагает автор, должен решаться в новых теоретических фреймах, отличных от тех, которыми оперировала социология в годы холодной войны и ранее. Эти фреймы находятся в отношениях соответствия с теми динамичными изменениями, которые претерпевает весь мир, и Россия в частности. Нет, сегодня вопрос о свободе и ее месте в социологической теории не снят с повестки дня. Об этом рано говорить в обществе, где главной проблемой для большинства населения является выживание, воспроизводство элементарных условий жизни. Можно ли говорить языком свободы с человеком, живущим на краю российского мира, в сибирском городке Усть-Каменск, где каждую зиму отключается отопление, где детей приходится согревать теплом буржеек, совсем как в далекой досоветской эпохе? Развязные выступления некоторых публицистов о том, что 1990-е принесли в Россию свободу и необыкновенный рост стандартов жизни, еще долго будут представлять собой пропаганду в интересах российского правящего класса. В.А. Ядов справедливо полагает, что о подлинной социальной зрелости российского общества, о становлении в нем социального и политического активизма можно говорить не ранее чем через 30–40 лет. Удивительное совпадение: экспертная компания «Голдман и Сакс» считает, что именно столько времени должно пройти, чтобы Россия сравнялась со странами Большой Восьмерки по уровню и объемам производства. Свобода в России будет завоевана не на баррикадах, а в ходе кропотливой отстройки социальных институтов, постепенного улучшения уровня жизни, обретения нового, не характерного для нее сегодня активистского сознания.

Второй из ключевых вопросов, всплывающих по мере обсуждения теоретических концепций, — это вопрос «Как?». Как меняется мир? Каков вектор изменений в современном российском обществе? Как повлияет на процессы внутри страны глобализация или глокализация? По большому счету это — вопрос о возможности порядка, о его сломе и восстановлении в ходе реформ. Автор не случайно постоянно возвращается к теме социальных изменений, столь болезненно отозвавшихся в российском обществе в 1990-е годы прошлого столетия. Общество травмировано хаосом, который адепты реформ, в полном соответствии с марксистской доктриной, называют первоначальным накоплением капитала.

По иронии судьбы Маркс, марксистская терминология оказываются для либеральных теоретиков более удобной теоретической базой, чем любые другие построения. Не потому ли, что именно Маркс допускает, что из накопленного сора бандитизма и коррупции вырастут в один прекрасный момент цветы институциональной упорядоченности и развитой экономики? Но стоит только хотя бы на время вернуться в лоно марксистской концепции, как сразу же приходится отвечать на неприятные вопросы. Как, каким образом завалы 1990-х трансформируются во что-то путное? Кто выступает в этом случае субъектом преобразования? Обнаруживается, что ответить на эти вопросы невозможно, не вернув на прежнее приоритетное место идею прогресса, пусть даже и замуфлированную новой терминологией. Признав неизбежность прогресса, придется принять непреложным фактом то, что разные классы и слои находятся на разном удалении от того счастливого состояния, которое он сулит: на социальном горизонте появляются прогрессивные и отсталые социальные группы. Первых, понятное дело, следует поощрять, вторых — либо

наказывать за нерадивость и непонимание политического момента, либо игнорировать, позволяя им благополучно отмереть по мере приближения к стандартам утопии.

В.А. Ядов, давно размышляющий на тему социальных изменений, избегает той большой ловушки, в которую неизбежно попадает социолог, некритично оперирующий марксистской терминологией. В концептуальных схемах, которые он использует, нет банальных отсылок к первоначальному накоплению или неизбежности модерна. Отвергая багаж просвещенческой традиции, он выдвигает на первый план понятие «зрелого» общества. «Зрелое» общество — это не только и не столько развитая экономика или развитое гражданское общество. По Ядову, социальная зрелость — это «наличие или отсутствие интенций индивидов, образующих сообщество, относительно личной причастности к массе других индивидов, объективно его наполняющих, идентификации с данным обществом как своим» (с. 25–26). Общество может рассматриваться как зрелое в том случае, если граждане идентифицируют себя с ним как с «мы-сообществом». В противном случае общества нет, оно распадается на множество микроидентификаций и в силу этого не может стать основой для солидарного действия. Необходимо преодоление этого распада. Но вот каким образом? Только возвращаясь к тому, что может рассматриваться как общее сакральное ядро — национальная идея, В.А. Ядов понимает, что иного варианта быть не может. Однако подобную идею уже неоднократно пытались выработать искусственным образом, привлекая к данной работе экспертное сообщество. Результат неизменно оказывался нулевым. Рискнем предположить, что малая эффективность данных усилий обуславливалась тем фактом, что само общество не созрело для того, чтобы определить для себя «небесные» цели. Если использовать терминологию Ницше, оно убедилось, что любовь к «ближнему» не решает задачи самосохранения. Попытка обустроить жизнь в одной клетке большой шахматной доски не создает правил, приемлемых для всех. Национальное самоопределение, любовь к «дальному» (национальное в широком, гражданском смысле) возможны только на фоне принятия общих ценностей, способных побуждать к действию («призраков», по выражению Ницше). Это справедливость, однокоренная с той правдой, в которой Бог может стать национальной идеей новой России, полагает Ядов. Справедливость, однако, признает он, туманное понятие: в ней может быть заключен как негативный потенциал (Ядов ссылается на исследование негативной идентичности Л. Гудкова), так и потенциал позитивный. Объединение людей на общей основе достижения — это движение к зрелому обществу; объединение, ведомое деструктивными мотивами, — уход от зрелости к общественной архаике. Безусловно, назидательная концепция, но слабо согласующаяся с реалиями постсоветского мира. Практики переходных обществ убедительно свидетельствуют о том, что достижение, рассматриваемое как переход к новым ценностям, новым институтам, невозможно без отказа от старых форм, идентичностей, солидарностей. Новые общества, переходящие к новому типу социальных отношений и уже совершившие его, не могут обойтись без негативной мобилизации. У них никак не получается избежать ненависти к прошлому, отказа от старых союзов, стигматизации бывших друзей. Тормозит ли этот элемент перехода становление зрелого общества или это один из элементов

новой зрелости? Это вопрос Ядов оставляет тем, кто собирается и дальше размышлять на данную тему. Для него справедливость — это ценности и институты, преодолевающие отчуждение, побуждающие к участию, социальной активности. Справедливым и, следовательно, зрелым российское общество может стать в том случае, если богатый возьмет на себя бремя более высоких налогов, позволяя обществу заботиться о малоресурсных группах, а также в случае, когда господствует закон, уравнивающий в правах сильных и слабых, обеспечивающий защиту и тем, и другим. Подлинно справедливым может стать только общество, в котором работают эффективные социальные институты, уравнивающие людей в правах и обязанностях. В противном случае справедливость становится очередной утопией, обреченной на короткий и бесславный конец, как и другие утопии, тестировавшиеся российским обществом. Справедливость, как она понимается Ядовым, имеет в международной классификации политических доктрин вполне конкретное обозначение — «социал-демократия». Преимущество использования привычного термина состоит в том, что в некоторых обществах он стал повседневностью. «Социал-демократию» в отличие от других, неведомых социальных устройств, можно наблюдать в действии. Можно также определить, как, по каким параметрам Россия отдалена от искомого «справедливого» идеала, что мешает ей приблизиться к нему. Но эта определенность оборачивается новыми вопросами. Ведь, как правило, действующие модели социал-демократического государства, государства «всеобщего благосостояния», базируются на высокой степени доверия людей к государству, рыночным структурам и друг другу. Ключевым условием доверия является честность и предсказуемость государства по отношению к гражданину и честность гражданина в отношениях с государством.

Постановка политической цели, общественного идеала с необходимостью возвращает нас к проблеме культуры: может ли быть прозрачным, честным российское государство, обслуживаемое коррумпированным чиновничеством, превратившим процесс управления в свой частный бизнес? Поверит ли государству гражданин, привыкший играть в прятки с государственными структурами и себе подобными? Исчезает ли после того, как представлен общественный идеал, зависимость от пути? В какой степени жажда нового социального порядка, стремление жить по закону способны преодолеть тяжелое наследие институциональных матриц прошлого? Ответа на этот и многие другие вопросы вы не найдете в книге. В.А. Ядов лишь пунктиром обозначил те направления, двигаясь по которым, вы можете продолжить поиск. По-видимому, и затевалась эта книга как компас для тех, кто продолжает поиск, для ративых студентов и профессиональных социологов, не остывших к тому делу, которым занимаются, не равнодушных к судьбам отечества.

М.Ф. Черныш,
доктор социологических наук